

Antonina Schneider-Striemiakowa

Реалии, боль и надежды : о литературе (и не только) Германия

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 279-283

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Заметки русского писателя, живущего в Германии, Антонины Шнайдер-Стремяковой, отражая ее точку зрения на состояние современной литературы и критики, поднимают ряд дискуссионных вопросов. Публикуя их, редакция приглашает литературоведов, писателей, журналистов, равнодушных к современной, не только русской, литературе – шире – культуре, к дискуссии.

РЕАЛИИ, БОЛЬ И НАДЕЖДЫ. О ЛИТЕРАТУРЕ (И НЕ ТОЛЬКО) ГЕРМАНИЯ

Мир кривых зеркал, интриг и зависти, где шагают по трупам, не обошёл, к сожалению, и литературу. Интернет-форумы «бухенвальдят» анонимы, с большинством из которых нет смысла общаться.

Истоки чреватые, как коралловые рифы, изгибами, расцветами, гибелью, возрождением – интернет-литература не исключение.

Думается, назрело время сделать интернет контролируемым, охраняемым и безопасным – международные сообщества и структуры возможны лишь на уровне правительств. Проблема контроля, охраны и защиты интернета настолько остра, что, если мировое сообщество ничего не предпримет, мир погрязнет в беспределе и хаосе.

* * *

Беллетристика в современном мире...

На старте первого столетия третьего тысячелетия умами пишущих и читающих овладела фантастика и мистика... Не потому ли, что детективное изобилие диктуется и поддерживается прогрессирующей наркоманией? Деньги хамстеризуют, «гуманитарная катастрофа» – проблема глобальная.

Авторов – не перечить, не упоминать. Книжки разные – интересные и не очень, попробуй отыскать то, в чём потом не разочаруешься: эпоха всеобщей грамотности рождает хорошее и не очень...

Исходя из народной мудрости: «На вкус и цвет товарища нет», одних авторов принимают безоговорочно, других частично, к третьим равнодушны – по причине тематики-проблематики, манере изложения либо «верю, не верю». Известный в интернет-журнале “Русский переплёт” Ю. Андреев утверждал, что на вкус ссылаются лишь бесталанные – исключительно, чтобы оправдаться. Заметим, одна-

ко, что кончик языка имеет свойство реагировать. И, так как на сладкое, кислое, солёное или горькое реагируют по-разному, оставим в покое вкус и талант.

Нам представляется, что за бумагу (компьютер) садятся потому, что собственное мировосприятие кажется единственно правильным, и появляется желание (возможно, утопия?!) обогатить и совершенствовать мир собственным вкусом, верой, истиной, заставить взглянуть на него собственными глазами, собственной душой. «Молчун» – что сытый, наелся и счастлив. Молчание для говоруна (думающего) опасно тем, что он может лопнуть. Ему необходимо выплеснуть взгляды, мысли, чувства – всё, что в нём накопилось; не важно, это размышления о чём-то глобальном или всего лишь сказка, а то и просто удачно найденная рифма.

И раскрываются явления, закономерности, причины – политические, социальные, эстетические, нравственные запечатлеваются эпохи, случаи, чувства, интриги, явления и свойства личности, выписываемые тщательно либо обозначаемые лишь пунктирно.

Литература – как церковь; она формирует, как из корня ствол, дух, мироощущение, нравственные принципы.

Книги о Злодеях и их Антиподах развивают подростковые приоритеты, оценочная позиция которых побуждает, как правило, к спорам. Обществу, заинтересованному в Личности, неплохо бы включать в школьные программы произведения с двойными стандартами; они полезны тем, что заставляют делать выбор. Но где она сегодня, такая литература?

Произведения критического реализма побуждали к размышлениям и сопоставлениям, но литературная критика (как правило, однобокая) сводила их зачастую к нулю. А ведь Обломовы для одних – воплощение бесконфликтности и доброты, для других – лениности.

В природе Homo sapiens изначально заложена неодинаковость, однако советская школа учила быть нетерпимым к чужим «истинам». Почему бы сегодня в учебных заведениях не рассматривать произведения с разных позиций, закономерных и естественных? А если это причит быть более терпимым или, как сейчас говорят, более толерантным?

С позиций сегодняшнего дня по-разному оценивают героев прошлого даже литературные асы. Привожу высказывания, дабы Читатель имел возможность решить, кому он симпатизирует.

В. Куклин: «Болконский-то внешне, может, и выигрышен, но ведь сын генерала, сопьяк-полковник, могущий красиво умирать со знаменем в руке, тихо ждать смерти, глядя на крутящееся у него под ногами ядро... а вот Пьер... толстый, рыхлый, полуслепой, бегаёт в белом фраке по тому же Бородинскому полю, где Болконский с тупостью барана ожидает своего заклания, с криком самым важным в романе Толстого, да и вообще в мире: „Люди, что вы делаете? Зачем вы убиваете друг друга? Остановитесь!“».

А. Киркевич: «Болконский – профессиональный военный, воспитанный военным... Красиво умереть дано не каждому... Описание его смерти – сильнейшая часть романа. И вовсе не крик Пьера, который всю жизнь не может определиться, чего он хочет, и зачем люди что-то делают. И, на всякий случай, стреляет в Долохова на дуэли».

Меняются эпохи, поколения, идеологии и, следовательно, отношение к жизни. У каждого своя правда, свои представления о человеческих отношениях и ценностях. Сколько их, совсем не хрестоматийных Обломовых, Базаровых-Кирсановых, Безуховых-Болконских, которых мы оцениваем с высоты возраста, культуры, идеологии?..

Аксиомное добро и зло не интересны ни детям, ни преподавателям. Литературный материал, что воспринимается незабываемым и, как дважды два, вечным, со временем вызывает недоверие и теряет интерес. На словесном жонглировании строилась критика советской литературы, с нею спорили дети. Табуированное мнение, чреватое для его владельца и для слушателя, не выслушивалось. Программа по советской литературе в старших классах была пропитана вызывавшей скуку идеологией – коммунисты в *Поднятой целине* вызвали такое отторжение, которое трудно себе представить. Герои и события рассматривались с позиций учителя, то есть, «как надо», – портить зачётные книжки и дневники никому не хотелось.

Хорошо бы в гуманитарных вузах сделать основой оценки студента самостоятельность и независимость суждений. Если молодой человек способен обосновать геройство (либо предательство) Левинсона, из него выйдет хороший следователь, юрист, учёный.

* * *

Известно, русский язык и литература – звенья одной цепи.

Сегодня знание русского языка настораживает: речь молодёжи преимущественно сленговая, письмо – безграмотное. И дело вовсе не в учителях. Причина безграмотности заложена государственной машиной: в школах постоянно сокращается количество часов на русский язык и литературу.

Не потому ли модны стихи без знаков препинания?!.. А ведь ещё с допушкинских времён известно: знаки препинания – это музыка автора и ноты для чтеца.

Но... моду диктует безграмотность.

И пишут белиберду (символизирующую мистику и мистифицирующую символику), а читатели из боязни выглядеть недоумками молчат. «Красиво, Лёха, но... непонятно», – вздохнул слушатель под одобрительный смех. Ладно, если «красиво», а если ещё и «некрасиво»?.. На чью потребу выставляют экспериментальную «нудятину»? Неужто для пляжных нудистов?..

Так мы прогрессируем? Или регрессируем?

И где критики – эти Боги литературы?

Но оценщики чаще всего либо себя показывают, либо «протезируют», либо приписывают авторам то, чего отродясь у них не было и нет, либо преломляют текст в свете собственной искривлённости – почти, как инспектора на уроках: «Вот если бы слайды да решения Партии и Правительства, да ещё цитату о том...». То им подавай «красивости», то «некрасивости», то вдруг по фразеологизмам затоскуют... А подашь – тут же их «штампами» обдразнят, то слово лишнее, то не лишнее. Словом, – оценщики!..

Нет бы говорить о том, что есть в наличии, – **языке** (прекрасном-ужасном), **сюжете** (удачном-неудачном) и о **воздействии на читателя**.

* * *

Чувство жалости – устарело?...

Учебник литературы советских времён, нафаршированный борьбой разночинцев, либералов, демократов, тусовочными разборками среди символистов, имажинистов, акмеистов, рапповцев, вапповцев и, Бог весть, кем ещё, умерщвлял душу подростка и, вызывая зевоту, отвращал от Слова – литературные «войны» следует изучать не в школах, но в профилирующих вузах.

Хорошо бы преподавание литературы оставить **литературным чтением** и в старших классах, ибо без знания текста ученик не способен делать то, что является предметом школьной литературы – учиться рассуждать логично, доказательно, грамотно и, главное, учиться понимать себя и других.

Мысль Горького, что жалость унижает, школьниками не признаётся. Их симпатии на стороне жалостливого примирителя Луки. Странно, но с подростками согласны и зрелые мужчины... колоний строгого режима.

Слово питает душу, рождает чувства...

Мужественная смерть Базарова и скорбь родителей у могилы сына-бунтаря осознаётся только благодаря спасительной жалости, что зовётся сочувствием. Душу подростка, в большинстве своём девственно-чистую, волнуют не «чужое грязное бельё» (предмет дискуссий «извращенцев»), не разборки канувших в Лету литературных группировок, но муки Раскольникова, несчастья Мармеладовых, терзания Татьяны Лариной, поиски героев Толстого.

* * *

«Маститые» имена... Книгоиздательство...

К школьным проблемам «маститые» сегодня равнодушны, но слова Олеси об «инженерстве человеческих душ» их согревают. Но до «инженерства» ли «инженерам», не могущим поделить писательское имущество? О новичках и говорить нечего: не встречая помощи, они выживают, как могут, – в силу пробивной способности; умения подладиться к издателю, найти спонсора; ужиться с нужными людьми...

Заграничным русскопишущим тоже не до «инженерства»: «связующая нить времён» «великого и могучего» становится всего лишь пропагандой. И процветают Хамстеры, которым ни к чему «великий и могучий», ни к чему великая русская литература, ни к чему призывы к «чувствам добрым» – им лишь бы звездиться самим. Задорого.

Новички и не раскрученные устремляются в конкурсы – а вдруг там Дягилевы?... Но чаще копят денежку и издаются сами. И если через сто лет сохранится хотя бы одна их книжица, она явится свидетельством того, как их боль о **правде жизни** и **русский язык**, кроме них самих, никому не был нужен; она явится свидетельством, как они, пропуская «блохи», сами себя редактировали, затем издавали, а потом ещё и продавали-дарили с одним лишь желанием – оставить хоть что-то **высоконравственное, честное**.

Вполне возможно, что через сотню лет эта книжица даст пищу другим умам, но автору это будет уже все равно, как сегодня безличны Третьяковскому изло-

женные им принципы русского силлабо-тонического стихосложения (1735 г.), что взял на вооружение Ломоносов (1739 г.) и даже будто бы развил их вместе с Третьяковским. Так было, когда грамотность была не всеобщей, так есть... Как будет, не знаем.

Количество продукции, что порождает эпоха всемирной компьютеризации, велика. И определяется «качество» премий... из принципа – «свой». Из чувства личной симпатии, где, как правило, отдыхает объективность, главный критерий в оценочном подходе, меж тем известно, что хорошие юристы, учителя, врачи беспристрастны. Хорошая критика должна бы тоже быть беспристрастной...

«Чем будем ошеломлять читателя?» – вопрос, который интересует сегодня книгоиздательства. Почему «ошеломлять»? Почему не познавать? Не наблюдать-размышлять? Не соперничать, в конце концов? Ищут, чем «ошеломить», меж тем реальная жизнь остаётся на задворках литературы.

Мистифицируют-фантазируют... грамотно-безграмотно, замысловато-иносказательно, увлекательно-нудно, понятно-непонятно, без знаков препинания, односложными предложениями, парцелляциями – по-разному... И некому возмутиться, отчего у «писателей» придаточные предложения становятся вдруг самостоятельными... И вопрос, ради чего разрушается синтаксис, остаётся открытым...

* * *

Извечен вопрос, что делать, как быть?

Писать десять *Метелей*, сто *Зим* и тысячу *Любовей*? Почему бы и нет? Но зачем с бесконечными парцелляциями?... Разрушением синтаксиса?... Без знаков препинания?... Бездуховно и безнравственно? Без заботы о будущем страны и её народа? Зачем ошеломлять, выбрасывая в урну тропы?... А вместе с ними и пушкиско-бунинский слог?

Давайте писать, как Тургенев, Бунин, Чехов, Куприн и даже лучше. В надежде не потерять, сохранить... Культуру, Язык, Человека. В надежде покорить-победить-вытеснить парцеллирующие «предложения», вроде – Выпили. Стоя. Припудрив. В надежде приостановить разрушение синтаксиса. В надежде по почерку и энергетике узнать **не редактора**, но **АВ-ТО-РА!**... В надежде заставить Господ и Плебеев думать, какими Им и Их Земле быть в первом хотя бы веке – не о тысячелетии речь.

Antonina Schneider-Striemiakowa